

УДК 94.3

**ВОЗДЕЙСТВИЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРМЯНСКОЙ
НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ЭСХАТОЛОГИИ
НА ПСИХОЛОГИЮ МАСС И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ПРОЕКТЫ XVI – XVIII вв.**

А.М. Айвазян

*Научно-исследовательский институт
древних рукописей Матенадаран им. Месропа Маишоца, г. Ереван, 0009, Армения*

Аннотация

В X – XVIII вв. в армянских письменных источниках фигурирует ряд пророчеств, видений и легенд, которые объединяет тема освобождения Армении от мусульманского владычества с военной помощью великих христианских держав. В армянской историографии эти нарративы получили совокупное название «освободительная легенда».

В статье отмечается, что после уничтожения последнего армянского царства в Киликии (1375 г.) и окончательного упадка крупных армянских княжеств на территории собственно Армении (конец XV в.) влияние освободительной легенды на психологию масс усилилось. Процесс разочарования в собственных силах был прямо пропорционален не критически возраставшей вере в военное вмешательство христианских государств в дело освобождения Армении. Коллективная вера в постулаты легенды, по мнению автора, была своеобразным адаптивным механизмом этнопсихологической самозащиты и выживания армянского народа.

Указывается, что в XVI – XVIII вв. армянское руководство при составлении военно-политических проектов по освобождению страны стремилось учитывать как рациональные – военно-стратегические, так и иррациональные – этнопсихологические – факторы и в первую очередь освободительную легенду. Между тем в 1720-х годах легенда, не выдержав очной ставки с исторической действительностью, навсегда исчезла с политической повестки дня армянского освободительного движения.

Ключевые слова: армянская освободительная легенда, видения, пророчества, коллективная психология, этнопсихологическая самозащита, иностранная военная помощь, христианские державы, геополитическая конъюнктура, военно-политические проекты, стратегический союзник, тайные переговоры

Начиная с X в. в армянских письменных источниках фигурирует ряд пророчеств, видений и легенд, в которых предсказывается освобождение Армении от мусульманского владычества с военной помощью великих христианских держав. Наиболее известные из этих эсхатологических сюжетов на национально-освободительную и социально-политическую тематику приписываются армянским католикосам Нерсесу Великому (353–373) и Сааку Партеву (387–439), видным деятелям церкви Ованесу Козерну (первая половина XI в.) и Агатуны

(Агатрон, Агафон) (XIII в.). Особняком стоит так называемая «Союзная грамота», якобы заключённая между царём Великой Армении Трдатом III (287–330) и патриархом Григорием Просветителем (302–326), с одной стороны, и императором Константином I Великим (306–337) и папой Сильвестром I (314–335) – с другой¹. В армянской историографии эти визионерские нарративы получили совокупное название «освободительная легенда»². Различные её версии дошли до нас во множестве армянских рукописных списков и в некоторых старопечатных изданиях [3, с. 51–56].

Истоки легенды уходят в V – VI вв., когда на политической повестке дня встал вопрос о восстановлении упразднённого в 428 г. царства Великая Армения. «История Армении и армян» Лазаря Парпеци, написанная в конце 490-х годов, содержит в себе пространное видение Саака Партева, включавшее между прочим пассаж о потере независимости и о её восстановлении незадолго до прихода Антихриста (LP, с. 76–79). Примечательно, что в этой, по сути, древнейшей версии легенды ни о каком вспоможении извне не сказано, что следует объяснить царившими в то время в Армении оптимистическими настроениями, возникшими в результате двух в целом успешных национально-освободительных войн против Сасанидского Ирана (449–451 и 482–484 гг.) и заключения в 484 г. Нварсакского договора, предоставляющего Марзпанской Армении³ полную автономию во внутренних делах. И только в более поздних источниках приписываемое Сааку Партеву видение обросло нарративом об иностранной военной помощи.

Приведём вкратце содержание одной из широко распространённых версий легенды – видение жившего в IV в. католикоса Нерсеса Великого, как оно представлено в его «Житии», скомпилированном в 967 г. дьяконом Месропом Вайоццзорским из более ранних источников. Католикос Нерсес в предсмертной агонии будто бы предсказал судьбу армянского народа на века вперёд. Согласно его провидческому видению царство Великая Армения погибнет. Исчезнет как царская династия армянских Аршакидов, так и династия католикосов из рода Григория Просветителя. Вслед за этим персы завоюют Иерусалим и захватят Крест Господень, который вскоре вернут «греки» (то есть византийцы). Слабоверные армянские князья ослабнут также в военно-политическом отношении и попадут под власть «греков». Но и это не продлится долго, сила «греков» рухнет под ударами «метателей» или «лучников» (под этим термином в армянской средневековой историографии подразумевались вначале арабы, а затем сельд-

¹ На самом деле этот документ был сфабрикован в Киликийском армянском государстве на рубеже XII – XIII вв. с целью получения военной помощи из Европы.

² Историко-литературному исследованию этих нарративов посвящена, в частности, двухтомная монография А.Г. Иоаннисяна [1, 2], первый том которой так и озаглавлен – «Армянская освободительная легенда».

³ Марзпанская Армения представляла лишь около трёх пятых Аршакидского армянского царства (66–428 гг.), одна пятая которого с 387 г. находилась в составе Восточно-Римской империи на правах прочих союзников-федератов, а ещё одна пятая часть – в составе Сасанидской державы: с 387 по 428 гг. от Великой Армении были административно отрезаны восточные провинции Утик и Пайтакаран, бывшие южные бдешхства (пограничные укрепрайоны-воеводства) Нор-Ширакан, Кордук и Алдзник, северное бдешхство Гугарк, а также южное княжество Цавдек. Территориально Марзпанская Армения представляла собой около 60% Великой Армении. Но самые густонаселённые районы находились именно здесь, в том числе большие города Ервандашат, Арташат, Двин, Вагаршапат, Ван, Зарехаван, Заришат, Нахчаван. Поэтому в Марзпанской Армении проживало не менее 70–75% всего населения Великой Армении (о численности населения Великой Армении см. [4, с. 91–107]).

жуки и монголы вследствие массового применения луков и стрел со стороны последних)⁴. Армения будет разрушена до основания, на долгое время потеряет свою политическую и духовную независимость и сдаст «метателям» свои неприступные крепости. После этих бедствий последует «спасение» христианского мира римским или, как поясняет (вернее, создаёт путаницу) оригинал, «франкским» оружием: неверные будут побеждены и покорятся римской власти, земля преобразится в рай, везде воцарятся мир, благосостояние и справедливость (в одной из версий пророчества утверждается, что этот период продлится 65 лет [1, с. 91]). Выжившие будут каяться за умерших, не удостоившихся этого земного блаженства, которое завершится лишь с приходом Антихриста, о чём уже повествуется в известной эсхатологической традиции христианства [1, с. 19–20; 3, с. 52–53].

Дошедшая до нас самая ранняя письменная копия «Жития» католикоса Нерсеса написана в 1131 г. В начале пророчества отражены времена сасанидского и арабского владычества, когда в Армении надежды на восстановление независимого царства связывали с военной помощью Восточной Римской империи. Упоминание же о «франках», под которыми армянские средневековые источники понимали всех католиков-европейцев, говорит о том, что в данном случае мы имеем дело с поздней вставкой: текст жития был отредактирован в конце XI – начале XII в., когда первый крестовый поход (1096 г.) вызвал эйфорию в среде христианских народов Передней Азии. Ясно, что всё это невозможно было спрогнозировать ни в IV в., ни в 967 г.

В разные исторические эпохи в зависимости от геополитической конъюнктуры в качестве «союзников» армян легенда представляла Византийскую империю («греков»), западноевропейские армии времён крестовых походов («франков»), Грузинское царство XII – XIII вв., Французское королевство Людовика XIV (1643–1715) и, наконец, Российское государство при Петре Великом (1682–1725). В некоторых версиях легенды предводителями союзной христианской армии являлись так называемые «араманы» – полководцы и воинские отряды, имеющие армянское происхождение. «Араманы» (или «вороманы») – это поколения воинов из тех армянских полков, которых якобы, согласно «Союзной грамоте», оставил в Риме Трдат III для служения императору Константину Великому (306–337). В одной из версий приведены и конкретные (хоть и вымышленные) цифры: будто бы царь Трдат III отбыл в Рим с 64-тысячным войском, а по его возвращении там осталось 200 воинов, из коих и произошли (в оригинале «размножились и развились») «араманы» [5, с. 147].

Следует заметить, что ещё в III в. в римской армии действительно имелись армянские воинские части. Так, по сведениям римских историков Геродиана и Элия Лампридия, крупные подразделения армянских лучников в качестве союзников принимали участие в войнах императоров Александра Севера (222–235)

---

⁴ Армянский историк и хронист XII в. Матфей Эдесский (? – 1144 г.), описывая одну из первых битв армян против турок-сельджуков в начале XI в., замечает, что «армянское войско не привыкло противостоять стрелам» (ME, с. 44). Это заявление может считаться верным только в контексте этой конкретной битвы: как следует из первоисточника, один из армянских командиров в ходе баталии призывает командующего выйти из неё, вернуться в свои крепости и дать новое сражение уже в других доспехах, которые будут более эффективны против стрел. Армяне сами были прекрасными лучниками испокон веков, включая данный исторический период (см. [4, с. 125–127]).

и Максимиана (235–238) против германцев (НА, р. 175; AL, LXI.8; SHA II, р. 303) [6, с. 84]⁵. Требеллий Поллион же сообщает, что «Гита императором избрали армянские лучники, которых Максимин ненавидел и притеснял как сторонников Александра [Севера]» (SHA III, р. 147) [6, с. 85]. Тем не менее легендарное упоминание об «араманах» исходит, скорее всего, из более позднего (V – VI вв.) факта присутствия многочисленных армянских полководцев и войсковых контингентов в составе византийской армии. Как подсчитал известный американский византист П. Харанис, «Прокопий [Кесарийский] упоминает по имени не менее чем семнадцать армянских командиров, в том числе, конечно, великого Нарсеса» [7, р. 16]. Хотя армянский элемент занимал видное место в армиях императоров Юстиниана и Тиберия II Константина (574–582), «ситуация изменилась в ходе правления Маврикия главным образом в результате аваро-славянских вторжений на Балканский полуостров. Эти вторжения практически ликвидировали Иллирию как источник рекрутов и снизили возможности Фракии. Они отрезали связь с Западом и сделали вербовку там крайне затруднительной. Как следствие, империя была вынуждена набирать рекрутов для своих войск в другом месте. Она обратилась к регионам Кавказа и Армении. В армиях Маврикия мы всё ещё находим немного гуннов, а также немного лангобардов. Булгары там также встречаются. Но [этнический] элемент, который уже доминирует, – армяне» [7, р. 17]. В последующем, вплоть до XII в., численность армянских войск в византийской армии стала ещё более значительной, армянское происхождение имели не только многие из представителей военной элиты и чиновничества, но и целый ряд императоров, в том числе Ираклий I (610–641), а также почти вся Македонская (Армянская) династия, правившая с 867 по 1056 г. Как раз в эпоху воцарения этой династии в империи начали распространяться легенды о происхождении её основателя Василия I (867–886) из армянского царского рода Аршакидов (см. [8, р. 18]). А император Константин VII Багрянородный (945–959), говоря о восшествии на престол своего деда, ссылаясь даже на армянские пророчества: «Тогда же, – писал он, – исполнилось данное за триста пятьдесят лет до того пророчество и прорицание Исаака (то есть армянского католика Саака Партева. – А.А.), великого провидца из иереев и монахов, который и сам вёл род от Аршакидов и узнал из видения, что именно через такое время взойдёт на ромейский престол один из потомков Аршака» (ThC, с. 157) (ср. [1, с. 37; 9]).

Таким образом, с одной стороны, у легендарных «араманов» имелись реальные исторические прототипы, а с другой – легенда получала мощную пропагандистскую подпитку из Византии, имевшей для её распространения собственные внутривосточные и внешнеполитические цели, включая экспансионистские виды на Армению.

Об огромной популярности вышеупомянутых пророчеств в последующие столетия можно судить по записям европейских путешественников и реляциям католических миссионеров.

---

⁵ Соответствующее сообщение об участии армянских лучников в походах против германцев в переводе С.П. Кондратьева неточно приписано вооружению римских войск (AL, LXI.8). То же место правильно перевели Д. Мэги (SHA II, р. 303) и Я. Манандян [6, с. 84].

Францисканский монах-миссионер, фламандец Гильом де Рубрук (ок. 1220–1293), в 1254 г. проходя через Армению и Киликию после своей неудачной дипломатической миссии в Каракорум – ставку великого монгольского хана (куда его отправил король-крестоносец Людовик Французский)⁶, сообщает о широко распространённом среди армян пророчестве Агатрона. Рубрук цитирует армянского епископа, повстречавшегося ему в городе Нахичеван, в центральной Армении. Вот его рассказ в сокращении: «[Агатрон] при смерти своей пророчествовал о народе стрелков, имеющем прийти с севера, говоря, что они приобретут все земли Востока... и эти стрелки займут земли с севера до юга, проникнут вплоть до Константинополя и займут Константинопольскую гавань. ...Франки, которые будут в середине земли, то есть в Иерусалиме, набросятся на татар, которые будут в их пределах, и с помощью нашего народа, то есть армян, будут преследовать их, так что король франков поставит королевский трон в Таврисе, что в Персии; и тогда все восточные и все неверующие народы обратятся в веру Христову и на земле настанет такой полный мир, что живые скажут умершим: “Горе вам, несчастные, что вы не дожили до этих времён”. Это пророчество я читал уже в Константинополе, куда его принесли армяне, там пребывающие, но не обратил на него внимания. Но когда я поговорил с упомянутым епископом, то вспомнил о пророчестве и обратил на него больше внимания. По всей Армении они считают это пророчество столь же истинным, как Евангелие. Он (то есть армянский епископ. – А.А.) также говорил нам: “Как души в преддверии рая ожидали пришествия Христова, чтобы получить освобождение, так мы ожидаем вашего пришествия, чтобы получить освобождение от того рабства, в котором пребывали так долго”» (GR, с. 172) (ср. [1, с. 85])⁷.

Посланный в начале XVII в. в Персию португальский августинец-дипломат Антонио де Гоувеа (1575–1628) сообщает, что армяне не видят другого средства улучшения своей ситуации, кроме как появления в регионе согласно их пророчествам некоего христианского монарха, который покорит окружавших их мусульман. Гоувеа подчёркивает, что эта древняя легенда очень распространена в народе, который верит в её скорое исполнение (GA, р. 343, 416) (ср. [1, с. 91]).

Миссионер-театинец Климент Галан (1610–1666), долгие годы проповедовавший в Армении, говоря о местных пророчествах освободительного характера, писал: «Армяне, будучи под тяжёлым игом неверных, имели обыкновение обращаться к нам, итальянцам, с одним вопросом: “Когда же, наконец, придут римляне, чтобы освободить нашу страну и наш народ?”» (CC, р. 56) (ср. [1, с. 496]). О том же армянском пророчестве в 1608 г. сообщал из Ирана миссионер-дипломат из ордена босых кармелитов Павел Симон, прямо ссылаясь на свои источники – «армянского католикоса, архиепископов, епископов и других» (CARM, р. 99, 101).

⁶ Кстати, тогда же, в 1254 г., в Каракоруме побывал и киликийский армянский царь Хетум I (1226–1270), которому, в отличие от делегации Рубрука, удалось заключить с монголами военный союз. Внук Чингисхана каган Мункэ дал ему ярлык, воспрещавший притеснять Киликийское Армянское царство, и грамоту, даровавшую повсеместную свободу христианским церквам.

⁷ В Ереванском Матенадаране имени Месропа Маштоца имеется множество рукописных списков пророчества Агат(р)она, самый ранний из которых датируется 1219 г. (рукопись № 1382, с. 309а–318б) и озаглавлен так: «Рассказ непобедимого философа Агадрона о добрых временах и появлении святых царей, а также о гибели народа стрелков» [3, с. 54–55 (прим. 1), 351].

Версии этих же предвидений облекались и в стихотворные формы, которые, по свидетельству французского историка конца XVII в. Мишеля Февра, армяне ревностно заучивали наизусть и с волнением декламировали [10, р. 407–408] (см. также [3, с. 53]).

Как видим, в народной среде легенда пользовалась большой популярностью. Вместе с тем следует обратить внимание на один важный аспект, который качественно изменил место освободительной легенды в коллективной ментальности армянского народа. Дело в том, что, когда ещё существовали армянские царства и крупные княжества, легенда выполняла двоякую роль – внешнеполитическую и внутривосточную. Во-первых, легенда служила киликийским армянским царям прагматичным идеологическим инструментом в извечных (безрезультатных) переговорах с Римским папой и западноевропейскими монархиями относительно получения военной помощи для противостояния мусульманским государствам (что, кстати, не препятствовало заключению союза с монголами против арабов и египетских мамлюков во второй половине XIII в.). Во-вторых, она являлась серьёзным морально-психологическим подспорьем для армянских масс в эпоху неравной борьбы против иноземного владычества. Но после уничтожения последнего армянского царства в Киликии (1375 г.) и окончательного упадка крупных армянских полунезависимых княжеств на территории собственно Армении (конец XV в.) – национально-политических катастроф, приведших к долговременному исчезновению с исторической арены армянских вооружённых сил, – влияние освободительной легенды на психологию масс приняло уже тотальный характер.

В социально-психологическом отношении ещё более травматичными, чем нашествия монголов и орд Тамерлана на Армению, были турецко-персидские войны, продлившиеся почти полтора столетия (1505–1515, 1531–1535, 1548–1555, 1578–1590, 1603–1612, 1616–1618, 1630–1639 гг.). В начале XVII в. шах Аббас I (1571–1629) организовал, по терминологии его современников, «великий сургун», или «великую депортацию» армян (1604–1618 гг.), в ходе которой из Армении в глубинные провинции Персии было переселено около 500 тысяч человек, причём половина из них погибла либо по дороге, либо на новых местах проживания [11, р. 30–50]. Армянский народ в военном отношении был абсолютно бессилён перед огромными армиями крупнейших мусульманских держав, воевавших в основном на его территории. Шесть-семь поколений армян непрерывно, одно за другим получали от своих родителей эмоциональный опыт *военно-политической беспомощности*, затем убеждались в этом на собственном примере и передавали информацию о национальной катастрофе следующему поколению. Возрастающее в арифметической прогрессии хроническое переживание собственной беспомощности должно было оставить глубокие следы в коллективной психологии армян, порождая *полное* разочарование в собственных силах (их *определённую недооценку*). Углубляющийся процесс разочарования в своих силах был прямо пропорционален некритически возраставшей вере в военное вмешательство христианских держав в дело освобождения Армении. Коллективная вера в постулаты освободительной легенды, в том числе в то, что

угнетённые будут отомщены⁸, была своеобразным адаптивным механизмом этнопсихологической самозащиты и выживания армянского народа.

Итак, чем более ослабевала армянская военно-политическая мощь, тем более популярной становилась освободительная легенда в народной среде. Впрочем, сама армянская политическая верхушка, как в период существования национальных государств и княжеств, так и в их отсутствие, всегда относилась к рассматриваемым пророчествам крайне прагматично, свободно подстраивая их постулаты под очередного потенциального стратегического союзника и конкретный геополитический момент. Но именно в XVI – XVII вв., когда Армения была разделена между Сефевидской Персией и Османской империей, представители и западного, и восточного армянского тайного освободительного движения в своих сношениях с христианскими державами при составлении конкретных военно-политических проектов по освобождению страны не только непременно ссылались на ту или иную версию освободительной легенды, но и вынуждены были считаться с её сильнейшим воздействием на психологию масс.

В письменных прошениях ряда известных нам тайных армянских делегаций, которые отправлялись в Европу с целью получения военной помощи от христианских держав, неизменно делались ссылки на вышеупомянутые пророчества, якобы указывающие на освобождение Армении при поддержке именно того государства и монарха, к кому обращались в данный момент. Первой из этого ряда тайных дипломатических миссий была делегация под руководством католикаса Степаноса Салмастеци (1545–1567), отправившаяся в Европу по решению состоявшегося в 1547 г. в Св. Эчмиадзине тайного собрания армянских духовных и светских руководителей. Степанос Салмастеци проводил встречи и переговоры с Римским папой и императором Священной Римской империи Карлом V (1519–1556). Никаких ощутимых результатов эти переговоры не дали, да и не могли дать, поскольку в тот момент создание общеевропейского фронта против Османской империи было попросту невозможно. В частности, за 12 лет до этого, в 1535 г., Франция заключила с Высокой Портой союз против Габсбургов. По отдельности же европейские государства большой опасности для турок не представляли. Всё XVI столетие было тем периодом, когда разобщённая Европа прилагала сверхусилия для отражения турецкого натиска на Запад.

Следующее тайное армянское посольство отправилось в Европу в 1562 г. из Себастии (Западная Армения), на этот раз забрав с собой «на переподтверждение» пресловутую «Союзную грамоту» – одну из версий освободительной легенды – с целью, как указано в первоисточнике, «напомнить о первоначальном союзе и первых клятвах» [12, с. 350]. Эта дипломатическая инициатива, как и предыдущие, не имела каких-либо политических последствий.

С подобными предложениями и с обязательным напоминанием о древних пророчествах и «Союзной грамоте» были посланы новые делегации в конце XVI в. и во второй половине XVII в. 12 февраля 1663 г. киликийский армянский

⁸ О надежде на месть свидетельствуют и другие армянские письменные источники. Например, Иосиф Эмин (1726–1809), центральное действующее лицо армянского освободительного движения второй половины XVIII в., рассказывал, что его дед, который имел чин тысячника в персидской армии, перед смертью обратился к своему старшему сыну с такими словами: «Это мой возлюбленный сын, ему улыбнётся провидение, его сын, которого нарекут моим именем – Эмин, с Божьей помощью поднимет меч для того, чтобы отомстить за судьбу своей Родины и кровь предков, пролитую во имя истины на священном пути христианства...» (ЕГ, р. 4).

католикос Хачатур Галатаци в своём письме к Людовику XIV призывал его не забывать о пророчестве Св. Нерсеса, выражая уверенность в том, что именно французский монарх спасёт всех христиан, в том числе и армян [3, с. 280–281, 283–284].

Весьма интересным был большой проект армяно-греческого восстания, который представил Людовику XIV представитель западно-армянского освободительного движения Махтеси Мурад (Шахмурад), прибывший в Париж в 1666 г. Это было время, когда здесь вполне серьёзно разрабатывались планы возможной войны против Османской империи. В конце написанного уже в январе 1672 г. послания Людовику XIV Махтеси Мурад восклицал: «Мы твёрдо верим в пророчество Св. Нерсеса, которое наши предки завещали нам. Мы уверены, что божественное провидение именно Вашему Высочеству уготовило блаженство и славу быть освободителем несчастной армянской нации от того бедственного положения, в котором она находится, Вам – великому королю франков, самому видному монарху всего христианского мира и всей земли» [3, с. 300].

Армяне заверяли, что в союзе с «собственно греками (имеются в виду балканские и западно-малоазийские греки. – А.А.), с черноморскими греками (то есть понтийцами. – А.А.), с грузинами и айсорами» они поднимут восстание, как только французские войска во главе с Людовиком XIV появятся на Балканах и в Малой Азии [3, с. 299]. Именно данный вопрос являлся ключевым на переговорах. В этой связи знаменательно, что, по свидетельству британского историка Пола Рикота (1629–1700), во второй половине XVII в. среди греков были распространены пророчества об освобождении от османского ига с помощью христианской России [13, р. 93] (см. также [3, с. 134]).

Царившие в Армении в то время настроения подтверждают и посланные в Иран агенты Французской Ост-Индской компании де Лален и де Ла Гуз, сообщавшие из Еревана «королю-солнце» следующее: «Живущие в крепости и в городе многочисленные армяне, все без исключения, так же как и страдающие от османской тирании армяне, которых мы видели в Турции, каждый день ожидают конца своих несчастий от победоносного оружия Вашего Высочества и... верят, что живут в пору осуществления своих пророчеств» [12, с. 365]. Как известно, этим чаяниям не суждено было сбыться.

Наиболее подробные материалы о тайных переговорах армянских делегатов в Европе и России относятся к концу XVII – началу XVIII в., когда во главе армянского освободительного движения стоял Израел Ори (?–1711). Наделённый талантом к стратегическому мышлению и планированию, Ори представил детальнейшие военные программы освобождения Восточной Армении Пфальцскому курфюрсту Иоганну-Вильгельму (1690–1716) и русскому царю Петру I в 1699–1701 гг. В письме к Петру I от имени армянских князей (29 апреля 1699 г.) завуалированно упоминаются пророчества об освобождении Армении с помощью войск христианских монархов и прямо указывается на русского царя (ARO, док. 66. с. 185). Об этом же прямо говорится в письме самого Израела Ори Петру I от 11–14 июля 1701 г.: «...Не усумневаемся, что ведомо Вашему Царскому Величеству, что в Армянской земле прежде сего в старину был король и принцыпы христианские, а потом от несогласия их наконец то учинилося, что все то королевство Армянское пришло под игом (sic) неверных. Двести пятьдесят и больше

того лета суть, что все то христианство стонет под неверным игом; и яко сынове Адамовы ожидали надежно пришествие Мессиево, который бы их избавил от вечной смерти, так убогий тот народ всегда жил и ныне живет с надеждою помощи и способа Вашего Царского Величества. Им образом предрекоша пророцы, что в последния времена неверные будут zelo свирепыя и будут понуждати христиан во еже принять прескверный их закон, и тогда придет из Августейшаго Московского дому великий некто(рый) принцепс, который будет многим храбрее, нежели Александр Великий, который королевство Армянское возмет и христиан избавити будет. Сие пророчество даже до нынешния времена повелено было, и еще и ныне верится...» (EZOV, док. 35. с. 73–74; ARO, док. 78–79. с. 200–203).

Руководство армянского освободительного движения во главе с Израелем Ори в своём военно-стратегическом планировании важное место отводило прикладной этнопсихологии.

Израел Ори детально представляет численность армянских войск, которые должны были быть собраны во всех провинциях Восточной (персидской) Армении, как только немецкие или русские войска вошли бы в Армению. В первой, «пфальцской» программе он говорит о 220 тысячах мужчин, которые будут срочно отоброшены и сформированы в новосозданную армянскую армию. При этом он просит Пфальцкого курфюрста отправить вспомогательный контингент немецких войск, состоящий лишь из 4150 солдат (1000 кавалеристов, 1000 драгунов, 2000 венгерских гусаров, 100 гренадёров, 25 канониров (пушкарей) и 25 бомбардиров) (EZOV, док. 9, § 5, 7, с. 29). Во второй, «московской» программе Ори планирует собрать 116 тысяч армянских мужчин⁹, прося у Петра I 25-тысячное вспомогательное войско – 15 тысяч конницы и 10 тысяч пехоты (ARO, док. 85, с. 210–216).

Возникают законные вопросы: если только в восточной части Армении можно было собрать такие огромные воинские силы, то зачем же для её освобождения от персидского ига вообще нужны были 4150 немецко-венгерских или же 25 тысяч русских войск? Нельзя ли было организовать всеобщее восстание самостоятельно, опираясь на собственные силы? Ответы на эти вопросы лежат в реалистичных политико-стратегических расчётах армянского подпольного руководства, учитывавшего как рациональные – военно-стратегические, так и иррациональные – этнопсихологические – факторы для достижения успеха в деле освобождения Армении¹⁰. Что касается стратегии, то иностранные союзники в лице дисциплинированных и имеющих новейшее европейское вооружение регулярных войск под предводительством опытных военачальников взяли бы на себя трудную миссию военного командования и обучения местных рекрутов. Они же

⁹ В «московской» программе по сравнению с «пфальцской» намечалось почти вдвое сократить численность армянских мужчин, подлежащих мобилизации (116 тысяч человек против 220 тысяч), исходя из методологически более прагматичного подхода к её сложностям в ходе молниеносного проведения начального этапа военной кампании.

¹⁰ В случае провала восстания против Сефевидского Ирана или же Османской империи армян неизбежно ждала массовая резня, депортация и насильственная исламизация. В этом ни у кого из деятелей армянского освободительного движения сомнений не было. Неслучайно, что позже, в 1720-х годах, когда новосозданные армянские войска неожиданно оказали вторгшимся в Закавказье турецким армиям яростное и эффективное сопротивление, в Высокой Порте всерьёз начали обсуждать вопрос о тотальном истреблении всего армянского народа (см. [14]).

принесли бы с собой значительное количество оружия и боеприпасов (в частности, артиллерии), чего так не хватало армянскому подполью [15, с. 176–200] (в программе говорится также о раздаче армянским полкам 100 боевых знамён)¹¹, а также обеспечили бы дипломатическое закрепление успешной военной кампании по освобождению (восточной) Армении и воссозданию Армянского царства под патронажем европейских держав или России¹².

Но не менее важно было и другое: вдохнуть уверенность в армянский народ, который слишком долго – три-четыре столетия – не видел крупных национальных государственных образований на территории своей родины. И в этом деле освободительная легенда в лице всех вышеуказанных пророчеств и «Союзной грамоты» была эффективным средством подвигнуть народ на вооружённое восстание. «Теория становится материальной силой, как только она овладевает массами» [16, с. 422], – это меткое выражение К. Маркса как нельзя верно характеризует ту ситуацию со слепой, отчаянной верой армянских масс в военную помощь христианских держав.

В 1722 г. Пётр I предпринял свой известный Персидский поход, в ходе которого русские войска захватили ряд прикаспийских провинций (до Решта на юге включительно), но дальше не пошли. Вспыхнувшее параллельно с Персидским походом армяно-грузинское восстание не получило обещанной помощи со стороны русской армии. Хотя новообразованное армянское войско сумело организовать эффективную самооборону против персидских и позже турецких сил в горных провинциях Карабах (Арцах) и Капан (Сюник), оно оказалось не в силах решить изначально поставленную перед собой задачу «освобождения всей Армении» [17] в немалой степени из-за неверно выбранной пассивной, выжидательной стратегии. Истребление сотен тысяч армян в 1720-х годах со стороны вторгшихся в Закавказье турецких войск и заключение российско-турецкого мирного соглашения в июне 1724 г., в котором вся территория Армении закреплялась за Османской империей, вызвали сильнейшее разочарование в освободительной легенде и её положениях. В письменных источниках, в том числе дошедших до нас армянских национально-освободительных программах второй половины XVIII в., ссылки на вышеуказанные пророчества практически исчезают.

В 1761 г. в одной из армянских рукописей рассказ дьякона Месропа о видении Св. Нерсеса назван уже «лживым и поддельным» [2, с. 630]. Такую беспрецедентную критику можно считать свидетельством историко-политической

¹¹ Если немцам Ори предлагал изобразить на этих знамёнах-хоругвях, с одной стороны, распятие Господне, а с другой – портрет Григория Просветителя с соответствующей армянской надписью (EZOV, док. 9, § 5, с. 29), то русским он делал уступку, отмечая, что на одной стороне можно представить «распятие Господне, а на другой стране – его царского величества герб» (ARO, док. 85, с. 211).

¹² Вскользь заметим, что признанный лидер армянского тайного освободительного движения Израел Ори был ещё и первоклассным военным специалистом. С целью ознакомления с европейской военной тактикой и новейшим вооружением в 1681–1696 гг. Ори служил в итальянской, французской и немецкой (пфальцской) армиях в качестве как интенданта, так и боевого офицера. Он отличился своей компетентностью и бесстрашием сразу в нескольких военных кампаниях. Пфальцский курфюрст Иоганн-Вильгельм писал армянским *меликам* (князьям) о нём: «Возвысьте г-на Израела Ори: здесь он видел и принимал участие в военных действиях против противников. Мы воистину были свидетелями и знаем о его подвигах в нашей армии. Доверяйте ему, так как он уже десять лет как стал искушён в [искусстве] нашей войны» (ARO, док. 66, с. 184). Вовсе не случайно, что в начале 1704 г. царь Пётр I согласился удовлетворить просьбу Ори и сразу возвёл его в чин полковника карабинеров.

(но не социально-психологической) кончины тысячелетней армянской освободительной легенды.

Источники

- LP – *Лазарь Парпеци*. История Армении [и армян]. Письмо Ваану Мамиконяну / Критич. текст на древнеарм. яз. подг. Г. Тер-Мкртчян, С. Малхасянц; парал. пер. на совр. арм. яз. Б. Улубабяна. – Ереван: Изд-во Ереван. ун-та, 1982. – 540 с. (на арм. яз.).
- ME – *Матфей Эдесский*. Хроника. – Вагаршапат, 1898. – 452 с. (на арм. яз.).
- HA – *Herodian of Antioch*. History of the Roman Empire from the Death of Marcus Aurelius to the Accession of Gordian III / Trans. by E.C. Echols. – Berkeley; Los Angeles: Univ. California Press, 1961. – 220 p.
- AL – *Элий Лампридий*. Александр Север // Властелины Рима / Пер. С.П. Кондратьева, под ред. А.И. Доватура, коммент. О.Д. Никитинского. – М.: Наука, 1992. – 384 с.
- SHA II – *Scriptores Historiae Augustae*. V. 2 / Trans. by D. Magie. – Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1998. – 485 p.
- SHA III – *Scriptores Historiae Augustae*. V. 3 / Trans. by D. Magie. – Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1998. – 529 p.
- ThC – *Продолжатель Феофана*. Жизнеописания византийских царей / Изд. подг. Я.Н. Любарский. – СПб.: Алетей, 2009. – 400 с.
- GR – *Вильгельм Рубрук де*. Путешествие в восточные страны // Иоанн де Плано Карпини. История монголов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Введ., пер. и прим. А.И. Малеина. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1911. – С. 79–194.
- GA – *Gouvea Anthoine de*. Relation des grandes guerres et victoires obtenues par le roy de Perse Cha Abbas contre les empereurs de Turquie Mahomet et Achmet son fils... Traduit de l'original portugais. – Rouen, 1646. – 546 p.
- CC – *Clemens Galanus*. Conciliationis ecclesiae Armeniae cum Romana ex ipsis armenorum patrum et doctorum testimoniis, in duas partes. – Romae, 1658. – Т. 1. – 611 p.
- CARM – A Chronicle of the Carmelites in Persia and the Papal Mission of the XVIIIth and XVIIIth Centuries: in 2 v. – London: Eyre & Spottiswoode, 1939. – V. I. – 720 p.
- EJ – [*Emin Joseph*.] The Life and Adventures of Joseph Emin, an Armenian, written in English by himself. – Calcutta: Baptist mission press, 1918. – 532 p.
- ARO – Армяно-русские отношения: Сб. документов: в 4 т. / Под ред. А. Иоаннисяна. – Ереван: Изд-во Акад. наук Арм. ССР, 1964. – Т. 2, ч. 1. – 397 с.
- EZOV – *Эзов Г.А.* Сношения Петра Великого с армянским народом. Документы, извлеч. из Моск. глав. и С.-Петербур. архивов М-ва ин. дел, Австрийск. придворн. и Гос. архива, Королевско-Баварск. тайн. гос. архива и др. учреждений. – СПб.: Тип. Акад. наук, 1898. – 512 с.

Литература

1. *Иоаннисян А.Г.* Очерки истории армянской освободительной мысли: в 2 т. – Ереван: Изд-во Акад. наук Арм. ССР, 1957. – Т. I. – 526 с. (на арм. яз.).
2. *Иоаннисян А.Г.* Очерки истории армянской освободительной мысли: в 2 т. – Ереван: Изд-во Акад. наук Арм. ССР, 1959. – Т. II. – 696 с. (на арм. яз.).
3. *Анасян А.С.* Освободительные движения в Западной Армении в XVII веке (историческое исследование). – Ереван: Изд-во Акад. наук Арм. ССР, 1961. – 442 с. (на арм. яз.).

4. *Айвазян А.М.* Армяно-персидская война 449–451 гг. Кампании и сражения. – СПб.: Алетейя, 2017. – 516 с.
5. *Анасян А.С.* Армянская библиография V – XVIII вв.: в 3 т. – Ереван: Изд-во Акад. наук Арм. ССР, 1959. – Т. I. – 1229 с. (на арм. яз.).
6. *Манандян Я.* Труды: в 7 т. – Ереван: Изд-во Акад. наук Арм. ССР, 1978. – Т. II. – 646 с. (на арм. яз.).
7. *Charanis P.* The Armenians in the Byzantine Empire. – Lisboa: Livraria Bertrand, 1963. – 63 p.
8. *Adontz N.* Basil I. The Armenian (Emperor of Byzantium 867–886) // *Armenian Rev.* – 1956. – V. 9, No 1–33. – P. 3–21.
9. *Adontz N.* L'âge et l'origine de l'empereur Basile I (867–886) (suite) // *Byzantion.* – 1934. – V. 9, No 1. – P. 223–260.
10. *Febvre M.* L'état présent de la Turquie. – Paris: Edme Couterot, 1675. – 450 p.
11. *Ghougassian V.S.* The Emergence of the Armenian Diocese of New Julfa in the Seventeenth Century. – Atlanta, GA: Scholars Press, 1998. – 326 p.
12. *Зуляян М.К.* Западная Армения в XVI – XVIII вв. – Ереван: Изд-во Акад. наук Арм. ССР, 1980. – 425 с. (на арм. яз.).
13. *Ricaud P.* Histoire de l'état présent de l'Église grecque et de l'Église arménienne. – Amsterdam, 1710. – 444 p.
14. *Aivazian A.M.* The Armenian Rebellion of the 1720s and the Threat of Genocidal Reprisal. – Yerevan: Center for Policy Analysis, American Univ. Armenia, 1997. – 87 p.
15. *Айвазян А.М.* Ручное огнестрельное оружие армянской армии в 1720-х гг. (количество, виды, производство и добыча) // *Метаморфозы истории.* – 2016. – Вып. 8. – С. 176–200.
16. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения: в 50 т. – М.: Изд-во полит. лит., 1955. – Т. I. – 699 с.
17. *Ayvazyan A.M.* The Secret Meeting of Armenians on Lim Island in 1722 (Concerning The Possible Involvement of Western Armenians in an All-Armenian Liberation Movement) // *Issues and Resources for the Study of Medieval Central and Eastern Europe / Ed. by J.M. Bak, P. Banyó.* – Budapest; Cambridge, MA: Department of Medieval Studies, Central European University and the Committee on Centers and Regional Associations of the Medieval Academy of America, 2001. – P. 59–68.

Поступила в редакцию
22.04.18

Айвазян Армен Мартинович, доктор политических наук, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Научно-исследовательский институт древних рукописей Матенадаран им. Месропа Маштоца
пр-т Маштоца, д. 53, г. Ереван, 0009, Армения
E-mail: armenayvazyan@gmail.com

**The Impact of Medieval Armenian National-Liberation
Eschatology on the Psychology of the Masses
and Military-Political Projects of the 16th and 18th Centuries***A.M. Ayvazyan**Mesrop Mashtots Research Institute of Ancient Manuscripts, Yerevan, 0009 Armenia*E-mail: *armenayvazyan@gmail.com*

Received April 22, 2018

Abstract

In the 10th – 18th centuries, a number of popular prophecies, visions, and legends in Armenian written sources were united by the theme of the liberation of Armenia from Muslim rule with the military help of the great Christian powers. In Armenian historiography, these narratives received the cumulative name of the “liberation legend”.

After the destruction of the last Armenian kingdom in Cilicia (1375) and the final decline of the major Armenian principalities in the territory of Armenia (during the late 15th century), the liberation legend’s impact on the psychology of the masses increased. The process of frustration in their own forces was directly proportional to the uncritically growing faith in the Christian powers’ imminent military intervention for the liberation of Armenia. It seems that the national belief in the tenets of the legend was a kind of adaptive mechanism for the ethno-psychological self-defense and survival of the Armenian people.

The military-political projects for the liberation of Armenia drafted in the 16th – 18th centuries, were invariably taking into account both rational (military-strategic) and irrational (ethno-psychological) factors, including the widespread expectations from the liberation legend’s narrative motifs. In the 1720s, however, the legend completely failed to hold out against the historical reality and disappeared forever from the political agenda of the Armenian leadership.

Keywords: Armenian liberation legend, visions, prophecies, collective psychology, ethno-psychological self-defense, foreign military aid, Christian powers, geopolitical conjuncture, military-political projects, strategic ally, secret negotiations

References

1. Hovhannisyan A.G. *Ocherki istorii armyanskoi osvoboditel'noi mysli* [Essays on the History of the Armenian Liberation Thought]. Vol. I. Yerevan, Izd. Akad. Nauk Arm. SSR, 1957, 526 p. (In Armenian)
2. Hovhannisyan A.G. *Ocherki istorii armyanskoi osvoboditel'noi mysli* [Essays on the History of the Armenian Liberation Thought]. Vol. II. Yerevan, Izd. Akad. Nauk Arm. SSR, 1959, 696 p. (In Armenian)
3. Anasyan H.S. *Osvoboditel'nye dvizheniya v Zapadnoi Armenii v XVII veke (istoricheskoe issledovanie)* [The Liberation Movements of Western Armenia in the 17th Century (Historical Study)]. Yerevan, Izd. Akad. Nauk Arm. SSR, 1961, 442 p. (In Armenian)
4. Ayvazyan A.M. *Armyano-persidskaya voina 449–451 gg. Kampanii i srazheniya* [The Armenian-Persian War of 449-451. Campaigns and Battles]. St. Petersburg, Aleteya, 2017, 516 p. (In Russian)
5. Anasyan H.S. *Armyanskaya bibliografiya V – XVIII vv.* [The Armenian Bibliography of the 5th – 18th Centuries]. Vol. I. Yerevan, Izd. Akad. Nauk Arm. SSR, 1959, 1229 p. (In Armenian)
6. Manandyan H. *Trudy* [The Works]. Vol. II. Yerevan, Izd. Akad. Nauk Arm. SSR, 1978, 646 p. (In Armenian)
7. Charanis P. *The Armenians in the Byzantine Empire*. Lisboa, Livraria Bertrand, 1963, 63 p.

8. Adontz N. Basil I. The Armenian (Emperor of Byzantium 867–886). *Armenian Review*, 1956, vol. 9, nos. 1–33, pp. 3–21.
9. Adontz N. L'age et l'origine de l'empereur Basile I (867–886) (suite). *Byzantion*, 1934, vol. 9, no 1, pp. 223–260. (In French)
10. Febvre M. *L'état présent de la Turquie*. Paris, Edme Couterot. 1675. 450 p. (In French)
11. Ghougassian V.S. *The Emergence of the Armenian Diocese of New Julfa in the Seventeenth Century*. Atlanta, GA, Scholars Press, 1998. 326 p.
12. Zulalyan M.K. *Zapadnaya Armeniya v XVI – XVIII vv.* [Western Armenia in the 16th – 18th Centuries]. Yerevan, Izd. Akad. Nauk Arm. SSR, 1980. 425 p. (In Armenian)
13. Ricaut P. *Histoire de l'état présent de l'Église grecque et de l'Église arménienne*. Amsterdam, 1710. 444 p. (In French)
14. Aivazian A.M. *The Armenian Rebellion of the 1720s and the Threat of Genocidal Reprisal*. Yerevan, Center for Policy Analysis, American Univ. Armenia, 1997. 87 p.
15. Ayvazyan A.M. Hand firearms of the Armenian Army in 1720s (amounts, types, production, and production). *Matamorfozy Istorii*, 2016, vol. 8, pp. 176–200. (In Russian)
16. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Essays]. Vol. I. Moscow, Izd. Polit. Lit., 1955. 699 p. (In Russian)
17. Ayvazyan A.M. The secret meeting of Armenians on Lim Island in 1722 (concerning the possible involvement of Western Armenians in an all-Armenian liberation movement). In: *Issues and Resources for the Study of Medieval Central and Eastern Europe*. Bak J.M., Banyó P. (Eds.). Budapest, Cambridge, MA, Department of Medieval Studies, Central European University and the Committee on Centers and Regional Associations of the Medieval Academy of America, 2001, pp. 59–68.

Для цитирования: Айвазян А.М. Воздействие средневековой армянской национально-освободительной эсхатологии на психологию масс и военно-политические проекты XVI – XVIII вв. // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2018. – Т. 160, кн. 3. – С. 735–748.

For citation: Ayvazyan A.M. The impact of medieval Armenian national-liberation eschatology on the psychology of the masses and military-political projects of the 16th and 18th centuries. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2018, vol. 160, no. 3, pp. 735–748. (In Russian)